

Г.М. Гогиберидзе

Развитие межконфессиональных коммуникаций в современном образовательном пространстве

События, происходящие сегодня в стране и мире (масштабные изменения в духовно-нравственной сфере, религиозный ренессанс, активизация экстремистских религиозно-политических группировок), ставят нас перед жесткой необходимостью перезагрузки работы с молодежью в сфере межконфессиональных коммуникаций. Ведущую роль в этом процессе может и должен сыграть Московский образовательный комплекс. В образовательном пространстве столицы накоплен уникальный опыт реализации педагогической концепции диалога культур, необходимость в обобщении, распространении и развитии которого обусловлена актуальными проблемами гармонизации межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: межконфессиональные коммуникации; религиозный ренессанс; диалог культур; профилактика идей национально-религиозного экстремизма; гармонизация межконфессиональных отношений.

В отечественной и зарубежной научной литературе термины «коммуникации», «межкультурные коммуникации», «межнациональные коммуникации», «межэтнические коммуникации», «межконфессиональные коммуникации» раскрываются в различных аспектах, но исследование многогранного феномена на основе комплексного междисциплинарного подхода еще только предстоит осуществить. Недостаточная проработанность понятийно-терминологического аппарата затрудняет создание эффективного методологического инструментария, нацеленного на изучение различных аспектов и параметров коммуникации. С точки зрения доктора философских наук, профессора кафедры теории коммуникаций СПбГУ И.П. Яковлева, коммуникации — это «наука, изучающая содержание, структуру и развитие коммуникационных процессов» [13: с. 5]. Иную трактовку предлагает доктор исторических наук, профессор С.В. Бориснёв, который считает, что коммуникации — это «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по различным каналам с помощью разных средств» [2: с. 6]. В отличие от С.В. Бориснёва известный немецкий социолог Никлас Луман вполне обоснованно рассматривает коммуникации как «исторически-конкретную совокупность действий, при осуществлении которых происходит не передача информации, а перераспределение знания» [3: с. 113–114]. В основу нашего исследования легло понимание коммуникаций как «формы взаимодействия разных национальных

и конфессиональных культур на основе равенства и свободы участвующих сторон, служащей сближению, взаимному обогащению и гармонизации отношений» [4: с. 11].

При определении понятия «межконфессиональные коммуникации» также необходима научно-исследовательская и экспертная операционализация. С нашей точки зрения, в данном случае за основу целесообразно взять междисциплинарную парадигму, интегрирующую исследования в области философии, социологии, политологии, религиоведения, культурологии, психологии, педагогики и других коммуникативно-ориентированных отраслей знания. Исходя из этого, «межконфессиональные коммуникации» в самом общем понимании следует рассматривать как средство, с помощью которого представители разных конфессиональных культур конструируют и поддерживают свои взаимоотношения.

Проблема межконфессиональных коммуникаций в настоящее время оказалась в центре внимания многих исследователей. Такой пристальный научный интерес объясняется, прежде всего, тем, что в религиозной сфере происходят масштабные изменения, мировое сообщество испытывает настоящий религиозный ренессанс. Один из основоположников популярной во второй половине прошлого столетия теории секуляризации Питер Бергер вынужден был отказаться от своих прежних взглядов: «предположение о том, что мы живем в секуляризованном мире, ошибочно, — признает ученый. — Мир сегодня, с некоторыми исключениями, столь же яростно религиозен, как и всегда... Доказательством этому служат статистические данные и результаты социологических исследований» [14: с. 96].

И действительно: результаты глобального международного опроса, проведенного независимой ассоциацией Gallup International, красноречиво свидетельствуют о возрастании влияния религии в обществе. Так, в соответствии с социологическими исследованиями, количество религиозных людей по всей планете в настоящее время выросло до 59 %. При этом 23 % респондентов не ассоциируют себя ни с одной религией и лишь 13 % среди жителей Земли оказались атеистами. Сопоставительный анализ общемировых тенденций и российских реалий показал, что россияне после распада Советского Союза довольно резко изменили свое отношение к религии и находятся теперь по этой позиции на среднестатистическом уровне в мире: 55 % граждан нашей страны считают себя религиозными людьми, 26 % — нерелигиозными, 6 % — атеистами [15].

Весьма показательным в этом отношении является другой факт: несмотря на различные методологические подходы и методы социологических исследований, критерии религиозности московской молодежи, полученные учёными кафедры философии и социальных наук в сотрудничестве с кафедрой социологии Института психологии, социологии и социальных отношений МГПУ, сопоставимы с результатами опросов, проведенных социологами из Gallup International. Так, согласно нашим исследованиям, 46 % столичных

респондентов не старше 22 лет считают себя религиозными людьми. Агностики и итсисты среди столичной молодежи — 38 %, атеистов — 16 %. В то же время 76 % из числа респондентов в возрасте от 16 до 22 лет признают себя православными [10]. Эти противоречивые цифры свидетельствуют о том, что юные москвичи легко идентифицируют себя с традиционной для России православной культурой, но по факту имеют довольно смутные представления обо всех религиях, в том числе и о православии. Кроме того, выявлена тенденция роста числа неофитов в столице, прежде всего за счет подростков и молодежи. В религиозных общинах самых разных конфессий и деноминаций количество новообращенных значительно превосходит число давних последователей культа. При этом неофиты, как правило, в большинстве своем обладают такими общими характеристиками, как склонность к агрессии по отношению к иноконфессиональным сообществам, а также к атеистам и итсистам. В то же время они слабо разбираются в основах вероучения, обрядовой практике и нормах поведения, предписываемых религиозной этикой. Более того, религиозные взгляды многих неофитов носят эклектичный характер, они поверхностны и неустойчивы. Юные неофиты проявляют не столько желание познать и приобщиться к конкретной религиозной доктрине, сколько стать такими, как все, считаться приверженцами и продолжателями религиозно-исторических традиций, соответствовать распространенному в обществе и ставшему модным стереотипу духовности [5].

Рост влияния религиозных организаций на социально-политические процессы в России отчасти обусловлен глобальными процессами. В то же время проблемы и разногласия по религиозным вопросам в российском обществе весьма специфичны. В этой связи в целях изучения феномена межконфессиональных коммуникаций целесообразно обращение к историческому опыту, накопленному нашей страной. На наш взгляд, спектр обоснований российского национального религиозного ренессанса достаточно широк: это и открывшиеся возможности непосредственного участия в жизни религиозных организаций, и поиск выхода из кризисного состояния, и возрождение традиционных духовных ценностей, и реакция общества на освобождение от давления атеистически ориентированной советской идеологии, и стремление людей восполнить фрагментарность религиозного сознания.

В конце 1980-х годов было положено начало кардинальных реформ, которые значительно повлияли и на мировоззрение, и на образ жизни советских людей. Вместе с этим изменилась роль религии в социально-политической и социокультурной жизни нашего общества. Интеграция Советского Союза, а затем и России, в мировое сообщество, утверждение политического курса открытых дверей — все это послужило мощным импульсом активизации деятельности эмиссаров из самых разных религиозных объединений. На всей территории бывшего огромного атеистически ориентированного государства после его гибели сформировалась весьма благодатная почва для распространения новых культов и вероучений. Низкий уровень религиозной грамотности

населения, с одной стороны, разрыв с конфессиональными корнями и национальными традициями — с другой, позволили новоявленным миссионерам довольно легко манипулировать сознанием целых этнических и социальных сообществ.

Религиозное невежество способствовало тому, что интенсивная миссионерская деятельность не только не вызывала никаких подозрений со стороны органов власти, безопасности и правопорядка, но и поощрялась на государственном уровне. Так, например, в 1988 году состоялась официальная встреча первого Президента СССР М.С. Горбачева с Сон Мён Муном, южнокорейским религиозным деятелем, основателем и лидером движения «Церковь объединения» и одновременно фигурантом многих уголовных дел, касающихся в том числе организации массового суицида. Другой пример: сразу после распада Советского Союза, в декабре 1991 года, Б.Н. Ельцин подписал постановление, якобы нацеленное на гармонизацию российско-японских отношений. На самом же деле в документе говорилось о создании Российско-японского университета, почетным президентом которого стал О.И. Лобов, первый заместитель Председателя Совета Министров России. Таким образом, под крылом у российского правительства в центре Москвы обосновалась японская террористическая религиозная организация «Аум Синрикё», лидер которой — Секо Асахара — пользовался особым расположением у политического руководства страны. Не остался в стороне от религиозной эйфории и МГУ им. М.В. Ломоносова. Именно в стенах этого старейшего вуза России была присуждена почётная докторская степень Рональду Хаббарду, основоположнику Церкви Саентологии (экстремистская организация, запрещенная в России в 2015 году).

Еще более опасная ситуация сложилась с происламскими деноминациями и новыми религиозными движениями. В 1990-е годы на территории России обосновались ячейки салафитских и неоваххабитских организаций: «Аль-Каида», «Талибан», «Халифат», «Хизб ут-Тахрир», «Братья мусульмане» и др.

И только во второй половине 1990-х годов постепенно приходит понимание опасности распространения на территории России так называемых тоталитарных сект. В результате чего в 1997 году был принят Федеральный закон № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях». Закон, с одной стороны, ограничил распространение тех новых религиозных движений, деятельность которых может представлять собой социальную опасность, с другой — определил четыре религии, получившие статус традиционных для народов России и «составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов нашей страны»: христианство (православное вероисповедание), ислам, буддизм, иудаизм. Однако, несмотря на это, в современной России, по сведениям Министерства юстиции РФ, зарегистрировано 565 централизованных религиозных организаций, 363 из которых действуют на территории нескольких субъектов РФ. Практически все они ведут активную миссионерскую работу с использованием сети Интернет,

социальных сетей и социальных групп, столь популярных у молодежи и подростков. Но серьезную угрозу национальной безопасности представляют собой незарегистрированные подпольные экстремистские религиозно-политические группы, деятельность которых запрещена на территории России. Проповедники из этих групп умело прикрывают свои нравоучения религиозно-нравственными мотивами, благими политическими целями, желанием познакомить подростков с основами мировых религий. Такой арсенал «благородных идей» нередко срабатывает и привлекает инфантильную часть молодежи, в сознании которой не сформированы устойчивые моральные принципы, размыты представления о подлинно религиозных ценностях. Ярким примером жертвы вербовщиков от ИГ (террористическая группировка, запрещенная в России) является судьба бывшей студентки философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Варвары Карауловой, а также судьбы тысяч россиян, поддавшихся на провокационные лозунги.

Расчищает дорогу радикалам и кризис доверия к священнослужителям, особенно к официальным российским имамам и муфтиям. Сказывается явный дефицит основательно подготовленных, убежденных активных лидеров традиционных исламских организаций, способных вести за собой если не всю, то хотя бы часть российской уммы, ассоциирующей себя с исламской культурой.

В этих условиях зарубежные миссионеры, практически не встречая достойного интеллектуального отпора, чувствуют себя вполне комфортно на поле идеологической борьбы. Ситуация зашла так далеко, что сегодня следует уже говорить не о миссионерской деятельности радикалов, не о вербовке отдельных молодых людей в ряды экстремистских группировок, а об интенсивном внедрении в сознание подрастающего поколения экстремистских идей.

В целях обеспечения религиозной безопасности сделано уже многое: обсуждены и приняты важнейшие документы, нацеленные на решение обозначенных проблем. Большинство из них довольно успешно реализуются в ряде регионов РФ. Среди наиболее эффективных программных документов следует выделить Концепцию противодействия терроризму в РФ, Стратегию национальной безопасности РФ на период до 2020 года, Стратегию государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. В июне 2017 года была завершена работа над проектом профессионального стандарта «Специалист в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений».

Таким образом, разработана соответствующая правовая база, накоплен ценный опыт противодействия национально-религиозному экстремизму, созданы необходимые условия для преодоления религиозного невежества. Однако события, происходящие сегодня в стране и мире, ставят нас перед жесткой необходимостью перезагрузки работы с молодежью в сфере межконфессиональных отношений. И в этой перезагрузке ведущую роль может и должен сыграть Московский образовательный комплекс. Москва обладает уникальными историческими, религиозными и социокультурными объектами, лучшими в стране памятниками

национальной культуры, располагает мощнейшим кадровым потенциалом, широкими материально-техническими, мультимедийными и технологическими возможностями. Кроме того, в многоконфессиональном образовательном пространстве столицы накоплен уникальный опыт реализации педагогического принципа диалога культур.

Диалогичность как философский принцип осмысления окружающего мира предполагает изучение каждой конфессиональной культуры изнутри и вовне. Полнота постижения чужой культуры обуславливается возможностью совмещения двух подходов: позиции вживания и позиции *внеаходимости*. «Вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир её глазами есть необходимый момент в процессе её понимания: но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего» [1: с. 334]. На основе этой мысли М.М. Бахтина другой отечественный мыслитель — В.С. Библер — разработал педагогическую концепцию диалога культур, прикладное значение которой становится все более актуальным, так как в многонациональной и поликонфессиональной стране школа не может не выступать в качестве одного из важнейших инструментов межконфессиональных коммуникаций.

События постсоветского периода свидетельствуют о том, что в обществе сформировалось некое поле межконфессиональной напряженности. Это относится в первую очередь к взаимоотношениям между христианами и мусульманами, между атеистами и религиозными людьми. Отмечается нарастание враждебности между течениями одного и того же вероучения: острые противоречия сохраняются между православными, католиками и протестантами в христианстве, шиитами и суннитами в исламе. Взрывоопасной остается ситуация во взаимоотношениях между традиционными мусульманами и деноминациями салафитского толка.

В этих условиях, как уже отмечалось, процесс духовно-нравственного воспитания в образовательном пространстве должен быть ориентирован в том числе на преодоление религиозного невежества. Такой подход вызвал необходимость изменения и уточнения содержания образования. В настоящее время идет активная работа над детализацией предметных требований в рамках федеральных государственных образовательных стандартов всех уровней. Все эти изменения нацелены на искоренение религиозного, правового и экономического нигилизма, на развитие у обучающихся качеств, определяющих такое социальное поведение, которое обеспечивало бы правовую защищенность личности в поликонфессиональном обществе.

Актуальность обозначенной проблемы подтверждается и тем фактом, что ФГОС НОО и ФГОС ООО предусматривает введение в школьную программу новой предметной области «Основы духовно-нравственной культуры народов России». При этом распоряжением Правительства РФ № 84-р от 28.01.2012 и приказом Министерства образования и науки РФ № 69 от 31.01.2012, начиная с 2012/2013 учебного года был введен обязательный курс «Основы религиозных

культур и светской этики», предусматривающий изучение одного из шести модулей по выбору родителей обучающихся или их законных представителей. В комплексный курс вошли четыре профессиональных модуля: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы буддийской культуры» и «Основы иудейской культуры» и два светских модуля: «Основы светской этики» и «Основы мировых религиозных культур». Несмотря на специфику, каждый модуль призван способствовать процессу консолидации российского общества, формированию мотивации к осознанному поведению, основанному на знании и уважении культурных и религиозных традиций народов России.

Тем не менее следует констатировать, что при всем внимании, которое уделяется в последнее время проблеме гармонизации отношений, феномен межконфессиональных коммуникаций в образовательном пространстве остается по существу малоисследованным. Решению этой комплексной задачи могут помочь многие научные дисциплины. Это философия коммуникации, которая борется за то, чтобы дать самостоятельное место и равные права всем субъектам коммуникации. Это этнография и этнопсихология, которые сосредоточены на прояснении традиций видения мира определенными человеческими общностями. Это социология религии, которая, как известно, изучает взаимоотношения между религией и обществом, объединяя три уровня знаний: методологический, теоретический и эмпирический. Это религиоведение, разрабатывающее среди прочих проблему межрелигиозных коммуникаций. Это педагогика, нацеленная в том числе на реализацию методологического потенциала принципа диалога культур в образовательном пространстве.

Развитие гуманитарного знания способствовало становлению принципиально нового типа мышления, который предполагает формирование картины мира, основанной на принципе единства всемирной истории и культурного развития человечества. Такой тип мышления П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев рассматривали как «разум общения разумов». «Идея единства человеческого рода впервые осмысливается христианством. Однако, возникнув как религия вселенская, универсальная, и осознав себя таковой, христианство неизбежно должно было отождествлять себя с различными народами, с их культурным и социальным опытом. Сталкиваясь с культурным миром народов, христианство не могло просто заменить собою этот мир. Оно должно было осваивать его, следовательно, и усваивать некоторые черты, в том числе и этнокультурные воззрения» [7: с. 197–198].

И в эпоху поздней Античности, и в Средние века мы можем проследить в христианстве это взаимодействие интеграционных и универсалистских тенденций. Христианские мыслители, от Августина до Фомы Аквинского, настойчиво проповедовали идею о том, что развитие человечества должно привести к Царству Христову, которое воспримет в себя весь мир. В Новое время европейская философская мысль, развиваясь преимущественно как антитеза христианской, усваивает эту дихотомию универсальности и культурной исключительности. Просветители разрабатывают общую теорию

прогресса (Жан де Кондорсе), развивают концепцию единства исторического процесса (И.Г. Гердер). В то же время европоцентристские тенденции воплощаются, с одной стороны, в различных теориях культурного и расового превосходства европейцев над остальными народами (Э. Ренан), с другой — в концепциях цикличности истории и принципиальной несообщаемости культур (Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер).

В настоящее время нарождающиеся межконфессиональные отношения нового типа ставят нас перед необходимостью поиска таких институтов согласия и взаимопонимания, которые базируются прежде всего на достижении определенного уровня культуры. «Национальная вражда, — считал академик Д.С. Лихачев, — одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны» [8: с. 235].

Религия, не будучи включенной в национальное самосознание непосредственно, имеет значительное влияние на формирование национальной идентичности, на систему национальных морально-этических ценностей, на стереотипы поведения. Интерпретация религиозного сознания явно или неявно включена в ту или иную философскую систему миропонимания. Вот почему очень важно выявить ценностные основы межконфессиональных коммуникаций. И если в широком смысле, например, исламо-христианский диалог можно рассматривать как историю взаимоотношений между мусульманами и христианами на протяжении 14 веков их сосуществования, то в настоящее время складывается иное, более глубокое понимание межконфессиональных коммуникаций, рассматриваемых как императив, требующий концептуальной разработки и институционального оформления. История такого рода межконфессиональных коммуникаций исчисляется всего лишь двумя десятилетиями. Конечно, невозможно охватить всю сложную и неоднозначную проблематику таких коммуникаций, но культурологический аспект представляется в данном случае наиболее оптимальным. В гуманитаристике встречались и порой встречаются два крайних способа решения проблемы: либо отрицается правомочность культурологического противопоставления конфессий, либо утверждается их полная культурная взаимонепроницаемость. Обе позиции, по мнению российского востоковеда-япониста Т.П. Григорьевой, — только отдаляют нас от реального решения проблемы [6: с. 244].

Трагический опыт последнего десятилетия показал, какую огромную опасность таит в себе любая идея национальной или конфессиональной исключительности. Этот опыт убеждает нас в необходимости решения проблемы взаимопонимания между людьми. Немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Герман Гессе подчеркивал: «Плодотворное взаимопонимание между Востоком и Западом — великое, еще не осуществленное требование не только в области социальной, это насущно важное требование и в духовной области, и в области культуры. Речь идет в наше время уже не о том, чтобы обратиться японцев в христианство, а европейцев в буддизм или даосизм. Наш долг

и желание — не обращать и не обращаться в какую бы то ни было веру, но достичь как можно большей открытости и широты: в мудрости Востока и Запада мы видим уже не враждебные, борющиеся силы, но полюса, между которыми раскачивается жизнь» [3: с. 217].

Межконфессиональные коммуникации охватывают широкий круг вопросов, в том числе и тему вероисповедания, рассматриваемую в духе тенденций экуменизма и направленную на богословско-теологическое сближение конфессий. Такое направление, безусловно, может быть вполне полезным, но с позиции рассматриваемой нами проблемы целью является попытка преодоления идеологической зашоренности конфессий, непроницаемости моральных и этических установок. Это значит, что каждая из сторон должна преодолеть претензии на монопольное положение, отказаться от идеи своей исключительности, найти общую ценностную основу и стремиться решать конкретные практические проблемы, опираясь на принцип равенства. При всех обрывах исторических нитей межконфессиональных отношений, при всех зигзагах и потрясениях всегда оставалась непрерывность межконфессионального культурного взаимодействия. Любая религиозная культура страдает от искусственной изоляции, от давления привнесенных обстоятельств, но не зависит от них полностью, сохраняя свое духовное ядро и долговременные интересы, устремленные в будущее поверх барьеров любой политической, социальной, идеологической конъюнктуры.

Обращение к феномену межконфессиональных коммуникаций является не только вопросом теории, но и актуальным требованием общества, которое стремится возродить традиционные «духовные скрепы» через образовательный процесс. Такой подход, с точки зрения профессора Л.А. Шеймана, имеет конечной целью подготовку «человека, в необходимой мере владеющего принципами оценки, характерными для разных конфессиональных культур, которые вступают в педагогический контакт» [12: с. 24]. Тщательно продуманная методика преподавания истории, обществознания, литературы, МХК, ОРКСЭ на основе педагогического принципа диалога культур может обеспечить эффективное постижение как родной, так и иноконфессиональной культуры.

Особую значимость в данном случае приобретают знания педагога в области религии. Ведь у многих обучающихся уже сложились определенные стереотипы, фиксированные установки на ту или иную иноконфессиональную культуру. При этом, по словам Д.Н. Узнадзе, нравственно-эстетическая система реципиента может вступить в конфликт с уже сложившейся фиксированной установкой [11: с. 82]. Чтобы этого не произошло, в процессе обучения необходимо использовать позитивные примеры взаимодействия разных религиозных культур. Не менее важно выявлять типологически сходные и конфессионально специфические черты. Постигание реалий иноконфессиональной культуры через их сопоставление с реалиями родной культуры способствует возникновению познавательного интереса к другим религиям. Такой подход позволяет разъяснить моменты конфессионально обусловленных различий

и, напротив, акцентировав сходные типологические черты, выявить общие духовные ценности.

Даже в условиях, когда все участники коммуникативного акта говорят на одном языке, встречается немало препятствий, обусловленных недостаточностью общей культуры, нечеткостью религиозных и бытовых представлений, распространенностью ложных стереотипов. Тем более что даже в федеральных СМИ нередко тиражируются неточные представления о религиозных культурах, согласно которым образ верующих загоняется в этнографическую нишу, в паранджу и ватные халаты, в средневековые тюбетейки. Журналистам и педагогам в первую очередь следует уяснить: религия — настолько чувствительная сфера, что любая вольная интерпретация догматики неизбежно ведет к её неверному пониманию, а нередко — к сектантским, сепаратистским и ксенофобским представлениям. Не случайно свобода интерпретации религиозных текстов всегда была довольно жёстко регламентирована четырьмя возможными смыслами: буквальным, моральным, аллегорическим и анагогическим. А в христианстве возникла целая научная отрасль — экзегетика (прародительница герменевтики), предназначение которой исчерпывалось точным и правильным толкованием библейских текстов. Все эти сложности, несомненно, необходимо учитывать в процессе межконфессиональных коммуникаций, которые в условиях образовательного пространства должны контролироваться педагогом, обладающим соответствующими компетенциями.

Таким образом, педагогический принцип диалога культур, помимо достижения конкретных образовательных, воспитательных и развивающих целей, призван сыграть исключительную роль в профилактике идей национально-религиозного экстремизма и укреплении духовных связей между представителями разных национальных и религиозных культур.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 424 с.
2. Бориснёв С.В. Социология коммуникации: учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2013. 270 с.
3. Восток-Запад: исследования, переводы, публикации. М.: Наука, 2008. 301 с.
4. Гогиберидзе Г.М. Диалог культур в системе образования. М.: Наука, 2003. 184 с.
5. Гогиберидзе Г.М. Инновационные подходы к профилактике национально-религиозного экстремизма в молодежной среде // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи. Уфа: БГПУ, 2017. С. 39–45.
6. Григорьева Т.П. Еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 2006. № 7. С. 240–249.
7. Кон И.С. Психология предрассудка // Новый мир. 2009. № 4. С. 195–201.
8. Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1987. 342 с.
9. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиции, 2009. С. 113–114.
10. Ткаченко А.В. Отношение московской молодежи к религии и нравственности // Системная психология и социология: Всероссийское периодическое издание научно-практический журнал. М.: МГПУ, 2012. № 5. С. 97–107.

11. *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Мецниереба, 2011. 270 с.
12. *Шейман Л.А.* Искусство сопряжения художественных культур // Литература в школе. 2002. № 6. С. 22–29.
13. *Яковлев И.П.* Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб.: Авалон, 2006. 230 с.
14. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / ed. by Berger P. Grand Rapids. Mich.: William B. Erdmans Publishing Co., 1999.
15. Мир становится менее религиозным // Исследовательский холдинг Ромир | Исследования [Электронный ресурс]. URL: http://romir.ru/studies/370_1343678400 (дата обращения: 08.06.2017).

Literatura

1. *Baxtin M.M.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 424 с.
2. *Borisnyov S.V.* Sociologiya kommunikacii: ucheb. posobie dlya vuzov. М.: Yuniti-Dana, 2013. 270 с.
3. Vostok-Zapad: issledovaniya, perevody', publikacii. М.: Nauka, 2008. 301 с.
4. *Gogiberidze G.M.* Dialog kul'tur v sisteme obrazovaniya. М.: Nauka, 2003. 184 с.
5. *Gogiberidze G.M.* Innovacionny'e podxody' k profilaktike nacional'no-religioznogo e'kstremizma v molodezhnoj srede // Protivodejstvie rasprostraneniyu ideologii e'kstremizma i terrorizma sredi molodezhi. Ufa: BGPU, 2017. С. 39–45.
6. *Grigor'eva T.P.* Eshhe raz o Vostoke i Zapade // Inostrannaya literatura. 2006. № 7. С. 240–249.
7. *Kon I.S.* Psixologiya predrassudka // Novy'j mir. 2009. № 4. С. 195–201.
8. *Lixachev D.S.* Izbranny'e raboty': v 3 t. Т. 1. М.: Nauka, 1987. 342 с.
9. *Nazarchuk A.V.* Teoriya kommunikacii v sovremennoj filosofii. М.: Progress-Tradicii, 2009. С. 113–114.
10. *Tkachenko A.V.* Otnoshenie moskovskoj molodezhi k religii i npravstvennosti // Sistemnaya psixologiya i sociologiya: Vserossijskoe periodicheskoe izdanie nauchno-prakticheskij zhurnal. М.: МGPU, 2012. № 5. С. 97–107.
11. *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологической установки. Тбилиси: Мецниереба, 2011. 270 с.
12. *Шейман Л.А.* Искусство сопряжения художественных культур // Литература в школе. 2002, № 6. С. 22–29.
13. *Яковлев И.П.* Ключи к общению. Основы теории коммуникаций. СПб.: Авалон, 2006. 230 с.
14. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics / ed. by Berger P. Grand Rapids. Mich.: William B. Erdmans Publishing Co., 1999.
15. Мир становится менее религиозным // Исследовательский холдинг Ромир | Исследования [Электронный ресурс]. URL: http://romir.ru/studies/370_1343678400 (дата обращения: 08.06.2017).

G.M. Gogiberidze

**The Development of Inter-Confessional Communications
in the Modern Educational Space**

The events taking place today in the country and the world (large-scale changes in the spiritual and moral sphere, religious renaissance, activation of extremist religious and political groups) put us before the rigid necessity of restarting work with young people in the sphere of inter-confessional communications. A leading role in this process can and should be played by the Moscow educational complex. In the educational space of the capital, a unique experience has been accumulated in the implementation of the pedagogical concept of the dialogue of cultures, the need for generalization, dissemination and development of which is conditioned by pressing problems of harmonization of interfaith relations.

Keywords: inter-confessional communications; religious renaissance; dialogue of cultures; prevention of ideas of national and religious extremism; harmonization of interfaith relations.